

По делу «Юссила против Финляндии»

Европейский Суд по правам человека¹ в ходе заседания Большой Палаты в составе:

г-на Ж.-П. Коста, *Председателя Большой Палаты*,
сэра Николаса Братца,
г-на Б. Зупанчича,
г-на П. Лоренсена,
г-на Л. Кафлиша,
г-на Л. Лукаидеса,
г-на И. Кабрал Баррето,
г-на В. Буткевича,
г-на Ж. Касадевала,
г-на М. Пеллонпаа,
г-на К. Трайа,
г-на М. Угрехелидзе,
г-жи А. Муларони,
г-жи Е. Фура-Сандстрём,
г-жи Л. Мийович,
г-на Д. Шпильманна,
г-на Я. Шикута, *судей*,
и г-на Э. Фриберга, *Секретаря-Канцлера Европейского Суда*,

проведя 5 июля 2006 г. и 25 октября 2006 г. совещания за закрытыми дверями, вынес 25 октября 2006 г. следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 73053/01) против Финляндской Республики, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Финляндии г-ном Эса Юссила (*далее* — заявитель) 21 июня 2001 г.
2. Интересы заявителя, которому по решению Европейского Суда были компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представлял в Суде г-н Пиркка Лаппалайнен, адвокат, практикующий в г. Ноккиа. Власти Финляндии были представлены в Суде Уполномоченным Финляндской Республики при Европейском Суде по правам человека г-ном Арто Косоненом, сотрудником Министерства иностранных дел Финляндии.
3. Заявитель утверждает, что рассмотрение его дела, связанного с взысканием штрафа за представление в налоговые органы недостоверных сведений, было несправедливым, так как финские суды отклонили его требование о проведении по этому делу устного разбирательства.
4. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 9 ноября 2004 г. Палата этой Секции Суда в составе судей Н. Братца, М. Пеллонпаа, Ж. Касадевала, Р. Марусте, К. Трайа, Л. Мийович и Я. Сикута, а также Секретаря Секции Суда, г-на М. О'Бойла, объ-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «ЮССИЛА ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ»*

[JUSSILA V. FINLAND]

(жалоба № 73053/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

23 ноября 2006 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

явила жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу. Палата Суда решила, что вопрос о применимости статьи 6 Конвенции должен решаться в ходе рассмотрения дела по существу. 14 февраля 2006 г. Палата Суда уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты, причем ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. Г-на Х.Л. Розакиса, который не смог принять участия в заседании Суда 25 октября 2006 г., заменил г-н И. Кабрал Баррето, запасной судья (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда). Г-на А. Ковлера, который также не смог принять участия в этом заседании Суда, заменила г-жа Е. Фура-Сандстрём, запасной судья (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда).

6. И заявитель, и государство-ответчик в письменной форме представили в Европейский Суд свои замечания по существу дела, а затем и ответы на замечания друг друга.
7. Слушания по делу были проведены публично во Дворце прав человека, г. Страсбург, 5 июля 2006 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании суда приняли участие:

(а) *от властей Финляндии:*

г-н А. Косонен, сотрудник Министерства иностранных дел Финляндии, *Уполномоченный Финляндской Республики при Европейском Суде по правам человека*,
г-жа Л. Халила,
г-н П. Пюкёнен, *советники*;

(б) *от заявителя:*

г-н П. Лаппалайнен, член Союза адвокатов Финляндии, *адвокат*.

Суд заслушал выступления А. Косонена и П. Лаппалайнена и их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1949 году и проживает в г. Тампере (Финляндия).

¹ *От редакции:* по делу заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что рассмотрение дела о взыскании с него штрафа за представление в налоговые органы недостоверных сведений было несправедливым, поскольку финские суды не провели по этому делу устного разбирательства. Суд рассмотрел жалобу заявителя в контексте положений статьи 6 Конвенции и пришел к выводу, что по делу требования статьи 6 Конвенции нарушены не были. Такой вывод был сделан при трех судьях голосовавших «против», а ряд судей заявили отдельные мнения.

² Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

9. 22 мая 1998 г. налоговая инспекция провинции Хяме [*Häme*] [*verotoimisto, skattebyrå*] потребовала от заявителя, хозяина фирмы, занимающейся ремонтом автомобилей, представить свои объяснения в связи с некоторыми предполагаемыми ошибками в его декларациях по налогу на добавленную стоимость (*dalee* — НДС) [*arvonlisävero, mervärdesskatt*] за 1994 и 1995 налоговые годы.
10. 9 июля 1998 г. налоговая инспекция обнаружила в бухгалтерской отчетности заявителя некоторые погрешности, в частности несоответствия выписанных квитанций счетам-фактурам. Налоговая инспекция подсчитала доходы заявителя, и оказалось, что они превышают доходы, которые он указал в своей налоговой декларации. На этом основании инспекция произвела перерасчет подлежащего взысканию НДС. Она поставила заявителя в известность о том, что за представление недостоверных сведений он должен, в частности, заплатить штраф [*veronkorotus, skatteförhöjning*] в размере десяти процентов от общего размера подлежащего уплате налога, который определила инспекция (помимо собственно налога, заявитель должен был заплатить одну тысячу 836 финских марок, или 308 евро и 80 центов).
11. Заявитель обжаловал это решение в Административный суд провинции Уусимаа [*Uusimaa*] [*lääninoikeus, länsrätten*] (впоследствии он стал Административным судом г. Хельсинки [*hallinto-oikeus, förvaltningsdomstolen*]), требуя провести по его делу устное разбирательство, а также заслушать свидетельские показания налогового инспектора и назначенного заявителем эксперта. 1 февраля 2000 г. Административный суд принял промежуточное решение запросить письменные замечания по делу у налогового инспектора, а после этого — экспертное заключение у выбранного заявителем эксперта. Налоговый инспектор представил свой отчет в Административный суд 13 февраля 2000 г. Далее этот отчет был направлен заявителю, для того чтобы дать ему возможность сформулировать свои замечания. 25 апреля 2000 г. заявитель представил свои собственные замечания, касающиеся отчета налогового инспектора. На заключении выбранного заявителем эксперта была проставлена дата, и в тот же день оно было представлено в суд.
12. 13 июня 2000 г. Административный суд решил, что в проведении по делу устного разбирательства явно нет никакой необходимости, поскольку обе стороны представили всю необходимую информацию в письменном виде. Административный суд также отклонил требования заявителя.
13. 7 августа 2000 г. заявитель ходатайствовал о том, чтобы ему разрешили обжаловать решение Административного суда, и в тот же день вновь потребовал провести по его делу устное разбирательство. 13 марта 2001 г. Верховный административный суд Финляндии отказал ему в разрешении обжаловать указанное решение.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

А. Определение размера и порядок взыскания штрафов за нарушения законодательства о налогах и сборах

14. Часть 1 статьи 177 финского Закона о налоге на добавленную стоимость [*arvonlisäverolaki, mervärdesskattelagen*] (закон № 1501/1993) предусматривает, что если налогоплательщик не заплатил налогов, или заплатил их в явно недостаточном размере, или не представил требуемую информацию в налоговые органы, то налоговая инспекция соответствующей провинции [*verovirasto, skatteverket*] должна произвести оценку неуплаченных им сумм налогов.
15. Статья 179 позволяет производить оценку налоговой базы, если лицо не подало требуемых деклараций или представило в налоговые органы недостоверные сведения. На налогоплательщика может быть возложена обязанность по выплате не уплаченных им сумм налогов или сумм налогов, которые были возвращены ему по ошибке.
16. Статья 182 предусматривает, в частности, что максимальное наказание в виде штрафа, составляющего 20 процентов от общего размера подлежащего уплате налога, может быть назначено, если лицо без уважительной причины не представило в установленные сроки налоговой декларации или иных документов либо представило явно неполную информацию. Сумма штрафа, назначаемого лицу, которое без уважительной причины не выполнило всех или некоторых своих обязательств даже после прямого требования представить необходимые сведения, не может превышать общий размер подлежащего уплате налога более чем в два раза.
17. Согласно определению, содержащемуся в различных справочниках, таких, как, например, «Финская юридическая энциклопедия» [*Encyclopaedia Iuridica Fennica*], налоговая санкция представляет собой административное наказание карательного характера, назначаемое налогоплательщику за нарушение законодательства о налогах и сборах.
18. Согласно существующей в Финляндии практике, назначение лицу наказания за нарушение законодательства о налогах и сборах в виде штрафа не препятствует привлечению его к уголовной ответственности за то же самое нарушение.

В. Устное разбирательство дела

19. Часть 1 статьи 38 финского Закона об административном судопроизводстве [*hallintolainkäyttölaki, förvaltningsprocesslagen*] (закон № 586/1996) предусматривает, что устное разбирательство дела должно быть проведено, если о том ходатайствует частная сторона по делу. Однако оно может не проводиться в случае, если ходатайство стороны признано неприемлемым, или сразу же отклонено, или если в проведении устного разбирательства явно нет никакой необходимости ввиду характера дела или иных обстоятельств.
20. Пояснительная записка к законопроекту № 217/1995 о введении в силу Закона об административном судопроизводстве, касается права подсудимого на проведение по его делу устного разбирательства, как это предусмотрено статьей 6 Конвенции, и возможности не проводить устного разбирательства по административным спорам, если в нем явно нет никакой необходимости, как указано в части 1 статьи 38 данного закона. Там отмечено, что устное разбирательство помогает ограничить круг вопросов, рассматриваемых в ходе судебного заседания, и ускорить рассмотрение дела. Однако, поскольку оно не всегда вносит значительный вклад в достижение этих целей, следует удостовериться в том, что его проведение не отражается на гибкости и экономической эффективности производства по административным делам. Устное разбирательство дела следует проводить, когда это необходимо для разрешения вопросов, являющихся предметом спора, и может считаться полезным для дела в целом.
21. С 2000 по 2006 год Верховный административный суд Финляндии не провел ни одного устного разбирательства по налоговым спорам. За этот же срок в восьми административных судах лица, подавшие жалобы на решения нижестоящих судов, требовали проведения устного разбирательства в 603 случаях. Эти требования

были удовлетворены в 129 случаях. Сведения о том, какая часть налоговых споров, о которых идет речь, касалась начисления штрафов за налоговые правонарушения, отсутствуют. Согласно письменным замечаниям государства-ответчика от 12 июля 2006 г., с начала 2006 года административные суды провели устное разбирательство по делам, связанным с налоговыми спорами, в 20 случаях. Из 10 669 дел, рассмотренных Административным судом г. Хельсинки в 2005 году, 4232 дела затрагивали вопросы налогообложения. 505 дел, входящих в последнюю из упомянутых категорий, касались НДС. В течение 2006 года Административный суд провел устное разбирательство по 153 делам, из которых в трех делах речь шла об НДС.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

22. Заявитель жалуется в Европейский Суд на то, что рассмотрение дела о взыскании с него штрафа за представление в налоговые органы недостоверных сведений было несправедливым, поскольку финские суды не провели по этому делу устного разбирательства. Суд рассмотрел жалобу заявителя в контексте положений статьи 6 Конвенции. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 6 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела <...> независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявителем

23. Заявитель оспаривает доводы государства-ответчика и утверждает, что они основаны на ошибочном, вводящем в заблуждение толковании норм финского права и положений Конвенции. По мнению заявителя, по его делу, как с точки зрения финского законодательства, так и с точки зрения статьи 6 Конвенции, обязательно должно было проводиться устное разбирательство, поскольку он нуждался в правовой защите, а достоверность свидетельских показаний играла существенную роль в процессе принятия решения по делу. По мнению заявителя, предметом спора являются не 308 евро и 80 центов, а общая сумма, которую он должен был заплатить, — 7 тысяч 374 евро и 92 цента. Как утверждает заявитель, из-за того, что финские суды не провели по его делу устного разбирательства, на него фактически было возложено бремя доказывания. Кроме того, он подчеркивает серьезность нависшей над ним угрозы наказания, а также обращает внимание на то, что необходимость заплатить налоги, начисленные необоснованно и без всякого юридического обоснования, негативно отразится на его предпринимательской деятельности.

24. Во время слушания дела в Европейском Суде заявитель отметил, что он не «выбирал», должен он платить НДС или нет. Напротив, он был обязан подать в налоговые органы декларацию по НДС, поскольку годовой оборот его фирмы превышал пороговый уровень, установленный финским Законом о налоге на добавленную стоимость.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

25. Государство-ответчик напомнило, что обязанность физических и юридических лиц по уплате налогов и сборов имеет первостепенную важность. Взимание налогов и сборов входит в число основных прерогатив органов государственной власти, а взаимоотношения налогоплательщика и налоговых органов остаются преимущественно публично-правовыми. Распространение действия положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, на налоги и сборы может иметь далеко идущие последствия по отношению к возможностям государства собирать налоги.

26. Государство-ответчик отмечает, что в рамках правовой системы Финляндии штрафы за нарушение законодательства о налогах и сборах являются административно-правовыми санкциями и начисляются на основании норм не уголовного, а налогового права. Кроме того, соответствующее решение принимается налоговыми органами и административными судами, а порядок начисления штрафов во всех отношениях отличается от порядка назначения наказания судом. В настоящем деле начисление штрафа осуществлялось на основании нормы права, которая распространяется на определенную группу лиц, имеющих особый статус, а именно на граждан, обязанных платить НДС и поставленных на учет по НДС в налоговом органе. Следовательно, этот штраф не был основан на норме права общего характера. Главной целью штрафов за нарушения законодательства о налогах и сборах является защита интересов государства в сфере налогообложения и оказание давления на налогоплательщиков для того, чтобы они выполняли свои юридические обязанности, а также привлечение их к ответственности за невыполнение этих обязанностей и предупреждение новых нарушений. Однако данный аспект не играет решающей роли. Государство-ответчик подчеркивает, что наказание, назначенное заявителю по настоящему делу, не достигло достаточного уровня суровости по сравнению с тем наказанием, которому подвергся заявитель по делу «Бенденун против Франции» [*Bendenoun v. France*] (постановление Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1994 г., серия «А», № 284). В настоящем деле наказание в виде штрафа невозможно было заменить на наказание, связанное с лишением свободы, а размер самого штрафа был небольшим, всего десять процентов от общей суммы подлежащего уплате налога, или 308 евро и 80 центов; максимальный же размер штрафа, который мог быть начислен, достигал 20 процентов от этой суммы.

27. Предполагая, что положения статьи 6 Конвенции применимы в настоящем деле, государство-ответчик утверждает, что предусмотренная пунктом 1 статьи 6 Конвенции обязанность проводить по делу публичное разбирательство не является абсолютной. Устное разбирательство может и не быть необходимым ввиду исключительных обстоятельств дела, например, в случаях, когда оно не поднимает никаких вопросов факта или вопросов права, которые невозможно удовлетворительным образом разрешить на основании материалов дела и письменных замечаний сторон. Кроме требования о том, чтобы производство по делу имело публичный характер, существуют и другие соображения, в том числе право на разбирательство дела в разумный срок и вытекающая из него необходимость оперативной обработки поступающих в суды дел, которую следует принимать во внимание при определении того, надо ли проводить по делу публичные слушания после его рассмотрения судом первой инстанции.

28. Государство-ответчик утверждает, что в настоящем деле заявитель требовал проведения устного разбирательства с целью оспорить точность и достоверность отчета налоговой инспекции, допросив налогового инспектора и эксперта. Оно отмечает, что Административный суд принял решение запросить письменный отчет у налогового инспектора, а после этого — заключение у выбранного заявителем эксперта. В проведении устного разбирательства явно не было никакой необходимости, так как сведений, представленных самим заявителем, оказалось достаточно для рассмотрения обстоятельств дела. Вопрос, являвшийся предметом спора, имел скорее технический характер, так как он был основан на отчете налогового инспектора. Такого рода дело лучше было рассматривать в порядке письменного производства, а не устно. Ничто не указывало на то, что по делу могли возникнуть вопросы факта или вопросы права, которые невозможно было бы надлежащим образом разрешить на основе материалов дела и письменных замечаний, поступивших от заявителя, налогового инспектора и эксперта. Если Административный суд удовлетворил бы требование заявителя и заслушал показания налогового инспектора или эксперта, он не получил бы никакой дополнительной информации. Кроме того, заявителю была обеспечена возможность представлять в письменном виде любые возражения, которые, по его мнению, оказали бы решающее влияние на результат рассмотрения дела. У него также была возможность на всем протяжении разбирательства дела давать комментарии по поводу любых сведений, поступавших от налоговых органов. Далее, он мог подать жалобы в Административный суд губернии и в Верховный административный суд Финляндии; оба этих суда вправе были рассматривать любые вытекающие из дела вопросы факта и вопросы права, а также могли отменить решения налоговых органов. Государство-ответчик приходит к выводу, что существовали обстоятельства, оправдывающие решение финских судов не проводить устного разбирательства по делу заявителя.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. По вопросу о применимости в деле положений статьи 6 Конвенции

29. Настоящее дело касается судебного разбирательства, в результате которого из-за ошибок в поданных заявителем налоговых декларациях на него была возложена обязанность по уплате НДС и, кроме того, штрафа в размере десяти процентов от общей суммы подлежащего взысканию налога. Действие статьи 6 Конвенции в части, касающейся гражданско-процессуальных аспектов, не распространяется на определение размера налога и взыскание штрафов за нарушения законодательства о налогах и сборах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Ферраzzини против Италии» [*Ferrazzini v. Italy*], жалоба № 44759/98, § 29, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VII). Следовательно, по настоящему делу возникает вопрос, являлось ли объектом разбирательства, о котором идет речь, уголовное дело в том автономном значении, в котором слово «уголовное» понимается в статье 6 Конвенции, и, следовательно, распространяются ли на него гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов.

30. Согласно устоявшейся практике Европейского Суда применимость статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, определяется на

основе трех критериев. Эти критерии (их иногда называют критериями Энгеля, потому что они были впервые установлены в постановлении Европейского Суда по правам человека от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов» [*Engel and Others v. the Netherlands*], серия «А», № 22) совсем недавно подтвердила Большая Палата в своем постановлении по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства» [*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*], жалобы № 39665/98 и № 40086/98, § 82, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-X):

«<...> Прежде всего, необходимо знать, относятся ли в государстве-ответчике нормы, устанавливающие ответственность за правонарушение, в совершении которого обвиняется лицо, к уголовному праву, к дисциплинарному праву или и к той и к другой отрасли права одновременно. Однако это является не более чем отправным пунктом. Полученные таким образом указания обладают лишь формальной и относительной ценностью; их необходимо рассматривать в свете общих элементов в соответствующем законодательстве разных Договаривающихся Государств.

Сам характер совершённого правонарушения имеет большее значение. <...>

Однако осуществляемый Европейским Судом надзор на этом не заканчивается. В большинстве случаев такой надзор был бы не более чем иллюзией, если бы наряду с указанными выше обстоятельствами Суд не принимал в расчет степень суровости наказания, которое может быть назначено лицу, совершившему правонарушение <...>».

31. Европейский Суд опирается либо на второй, либо на третий критерий; они не обязательно используются совместно. Для применения статьи 6 Конвенции достаточно того, чтобы правонарушение, о котором идет речь, по своей природе являлось преступлением или чтобы за него полагалось наказание, по своему характеру и степени суровости являющееся общеуголовным (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», § 86). Если правонарушителю полагается сравнительно мягкое наказание, то совершенное им деяние не теряет от этого присущего ему уголовно-правового характера (см. постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1984 г. по делу «Ёзтюрк против Германии» [*Öztürk v. Germany*], серия «А», № 73, § 54; а также постановление Европейского Суда по правам человека от 25 августа 1987 г. по делу «Лутц против Германии» [*Lutz v. Germany*], серия «А», № 123, § 55). Это не исключает совместного использования и того, и другого критерия в случаях, когда анализ каждого из них в отдельности не позволяет сделать однозначный вывод о существовании в деле уголовного обвинения (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», § 86, которое ссылается, в частности, на постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Бенденун против Франции», § 47).

32. Европейский Суд рассмотрел вопрос о том, свидетельствует ли его практика в пользу иного подхода к налоговым спорам. Суд напоминает, что в упомянутом выше постановлении по делу «Бенденун против Франции» речь шла о штрафе, начисленном возглавляемой заявителем компании за уклонение от уплаты НДС и налога на прибыль организаций и самому заявителю за уклонение от уплаты налога на доходы физических лиц. В этом постановлении Суд, не ссылаясь непосредственно на дело

«Энгель и другие заявители против Нидерландов», назвал четыре элемента, имеющие отношение к вопросу о применимости статьи 6 Конвенции, а именно: что закон, устанавливающий наказание, распространяется на всех граждан, выступающих в качестве налогоплательщиков; что налоговые санкции не направлены на денежную компенсацию причиненного правонарушением ущерба, а применяются главным образом в качестве наказания, для того чтобы предупредить совершение новых нарушений; что они основаны на норме права общего характера, преследующей карательные цели и в то же время являющейся средством устрашения; а также что начисляемые налогоплательщикам штрафы достигают значительного размера (422 тысячи 534 французских франка, или 64 тысячи 415 евро, в отношении заявителя и 570 тысяч 398 французских франков, или 86 тысяч 957 евро, в отношении возглавляемой им компании). Тем не менее, принимая во внимание отсутствие каких-либо указаний на намерение Суда отойти от своей практики по ранее рассмотренным им делам либо установить какие-то особые принципы в сфере налогообложения, в контексте настоящего дела можно считать, что эти факторы важны для определения применимости второго и третьего критерия, установленного по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов». Далее, следует подчеркнуть, что в деле «Бенденун против Франции» Суд не придавал решающего значения ни одному из четырех вышеперечисленных элементов самому по себе, а использовал их совместно, придя к выводу о применимости статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов.

- 33.** В деле «Яносевиц против Швеции» [*Janosevic v. Sweden*] (жалоба № 34619/97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VII) Европейский Суд приступил непосредственно к рассмотрению обстоятельств дела на основании описанных выше критериев, установленных по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов», не ссылаясь ни на дело «Бенденун против Франции», ни на использованный в нем особый подход. Если Суд и сослался на суровость наказания, которое фактически понес г-н Яносевиц, и наказания, которое потенциально могло быть ему назначено (штраф в размере 161 тысячи 261 шведской кроны, или 17 тысяч 284 евро, причем в том деле максимальный размер штрафа, который могли взыскать с заявителя, установлен не был), то он расценил это как самостоятельное дополнительное подтверждение того, что правонарушение, о котором идет речь, является преступлением, как Суд уже установил, рассматривая характер этого правонарушения (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Яносевиц против Швеции», § 68—69; см. также постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2002 г. по делу «Акционерное общество “Вястберга Такси” и Вулич против Швеции» [*Västberga Taxi Aktiebolag and Vulic v. Sweden*] (жалоба № 36985/97), вынесенное в это же время на основе аналогичных рассуждений).
- 34.** Напротив, в решении по делу «Морель против Франции» [*Morel v. France*] (жалоба № 54559/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-IX), вынесенном несколько позже, Европейский Суд счел, что статья 6 Конвенции не применяется к штрафам за нарушение законодательства о налогах и сборах в размере 10 процентов от общей суммы подлежащего уплате налога (4 тысячи 450 французских франков, или 678 евро). По мнению Суда, взыскиваемая сумма была «не очень большой», намного меньше «очень существенного размера», необходимого для того, чтобы считать штраф, о котором идет речь, уголовно-правовой

санкцией. Это решение, в котором Суд опирался на критерии, установленные не по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов», а по делу «Бенденун против Франции», придает первостепенную важность суровости наказания в ущерб остальным критериям, установленным по делу «Бенденун против Франции», в частности, критериям, относящимся к характеру совершенного правонарушения (и цели полагающегося за него наказания); Суд не упоминает в нем недавно вынесенного постановления по делу «Яносевиц против Швеции». Указанное решение как таковое, по-видимому, в большей степени соответствует подходу Комиссии по правам человека, которая в деле «Бенденун против Франции» (жалоба № 12547/86, доклад Комиссии от 10 декабря 1992 г., Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека DR), делая вывод о применимости статьи 6 Конвенции, мотивировала его главным образом степенью суровости назначенного заявителю наказания, тогда как Суд, рассматривая это же дело, предпочел взвешенно рассмотреть все его аспекты, строго придерживаясь принципа совместного использования всех упомянутых выше критериев. В постановлении по делу «Морель против Франции» Суд, ссылаясь на недостаточную суровость назначенного наказания, пришел к выводу, что статья 6 Конвенции не применяется в этом деле, даже с учетом того, что последнее, несомненно, отвечает всем остальным условиям, необходимым для применения этой статьи Конвенции (назначенное заявителю наказание было основано на норме права общего характера, не являлось по своей природе компенсацией причиненного правонарушением ущерба, преследовало карательные цели и выступало в качестве средства устрашения). Однако к подобному выводу Суд больше не приходил ни в одном из опубликованных дел.

- 35.** Большая Палата согласна с подходом, принятым по делу «Яносевиц против Швеции», когда Палата приняла решение по существу дела лишь после того, как она подробно проанализировала вопросы, являвшиеся предметом спора, и заслушала аргументы сторон (сравните с делом «Морель против Франции», по которому было вынесено решение о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу). Следовательно, из практики Европейского Суда не вытекает никаких устоявшихся или надежных оснований, позволяющих сделать вывод о том, что незначительность наказания, назначенного в ходе разбирательства налоговых или каких-либо иных споров, может иметь решающее значение для исключения из сферы действия статьи 6 Конвенции правонарушения, которое во всех других отношениях в силу самой своей природы является преступлением.
- 36.** Кроме того, Европейский Суд не считает убедительным довод государства-ответчика о том, что на разбирательство по вопросу о начислении штрафа за нарушение законодательства о налогах и сборах из-за его характера не распространяется или не должна распространяться защита статьи 6 Конвенции. Суд не раз отклонял подобный рода доводы, когда речь шла о нарушении правил отбывания наказания в местах лишения свободы или о незначительных нарушениях правил дорожного движения (см., применительно к различным правонарушениям, упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ёзтюрк против Германии»). Важность взимания налогов и сборов для эффективного функционирования государства не вызывает сомнений. Суд, однако, не убежден, что отказ от процессуальных гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции, при наложении

карательных санкций за совершение налоговых правонарушений необходим для поддержания эффективности налоговой системы или действительно может считаться совместимым с духом и целью Конвенции. Следовательно, в настоящем деле Суд будет применять описанные выше критерии, установленные по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов».

37. Если обратиться к первому из этих критериев, становится ясно, что в настоящем деле начисление штрафа за нарушение законодательства о налогах и сборах осуществлялось в соответствии с нормами не уголовного, а налогового права. Однако это не имеет решающего значения.
38. Вторым критерий — характер совершённого правонарушения — является более важным. Европейский Суд отмечает, что, так же как в деле «Яносевиц против Швеции» и в деле «Бенденун против Франции», можно сказать, что в настоящем деле начисление заявителю штрафа осуществлялось на основании норм права общего характера, которые применялись к налогоплательщикам в целом. Суд не считает убедительным довод государства-ответчика о том, что НДС облагается лишь определенная группа лиц, имеющих особый статус, потому что в настоящем деле, как и в ранее упомянутых делах, на заявителя была возложена обязанность по уплате налога как на налогоплательщика. Тот факт, что он предпочел встать на учет по НДС для осуществления предпринимательской деятельности, не меняет сложившейся ситуации. Далее, как признало государство-ответчик, штраф за нарушение законодательства о налогах и сборах не направлен на денежную компенсацию причиненного этим нарушением ущерба, а применяется в качестве наказания, для того чтобы предупредить совершение новых нарушений. Следовательно, можно сделать вывод, что он основан на норме права общего характера, преследующей карательные цели и в то же время являющейся средством устрашения. По мнению Суда, одного лишь этого вывода достаточно, чтобы считать правонарушение, о котором идет речь, преступлением. Незначительность назначенного заявителю наказания отличает настоящее дело от дела «Яносевиц против Швеции» и от дела «Бенденун против Финляндии» с точки зрения третьего критерия, установленного по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов». Тем не менее, это отличие не исключает настоящее дело из сферы действия статьи 6 Конвенции. Значит, статья 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, применима в настоящем деле, несмотря на незначительный размер штрафа, которому подвергся заявитель.
39. Следовательно, Европейский Суд, надлежащим образом учитывая все обстоятельства настоящего дела, в том числе обстоятельства, вытекающие из его налоговой специфики, должен решить, соответствует ли разбирательство по вопросу о начислении штрафа требованиям статьи 6 Конвенции.

2. По вопросу о соблюдении требований статьи 6 Конвенции

40. Проведение по делу публичного устного разбирательства является одним из основополагающих принципов, закрепленных в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Этот принцип особенно важен в уголовно-процессуальном контексте, который предполагает, как правило, что по первой инстанции дело должно рассматриваться судом, полностью удовлетворяющим требованиям статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по правам человека от 25 февраля 1997 г. по делу «Финдлей против Соединенного Королевства» [*Findlay v. the United Kingdom*],

Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-I, § 79), и что заявитель вправе требовать проведения по его делу устного разбирательства, имея, в частности, возможность давать показания в свою защиту, заслушивать показания свидетелей обвинения, а также вести допрос свидетелей защиты и свидетелей обвинения.

41. При этом обязанность проводить по делу устное разбирательство не является абсолютной (см. постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1990 г. по делу «Хаканссон и Стюрессон против Швеции» [*Håkansson and Sturesson v. Sweden*], серия «А», № 171-А, § 66). При рассмотрении некоторых дел проведения устного разбирательства может и не требоваться, например, в случаях, когда речь не идет о соображениях достоверности или о разногласиях по поводу обстоятельств дела, которые делали бы проведение устного разбирательства необходимым; в этой ситуации суды могут разрешать дело на справедливых и разумных основаниях, руководствуясь документами, представленными сторонами, и другими письменными материалами (см., например, постановление Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2002 г. по делу «Дёри против Швеции» [*Döry v. Sweden*], жалоба № 28394/95, § 37 и решение Европейского Суда по правам человека от 25 ноября 2003 г. по делу «Пурсихеймо против Финляндии» [*Pursiheimo v. Finland*], жалоба № 57795/00; сравните с постановлением Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2002 г. по делу «Люндеваль против Швеции» [*Lundevall v. Sweden*], жалоба № 38629/97, § 39, и постановлением Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2002 г. по делу «Саломонссон против Швеции» [*Salomonsson v. Sweden*], № 38978/97, § 39; см. также постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Гёч против Турции» [*Göç v. Turkey*], жалоба № 36590/97, § 51, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-V, в котором Суд пришел к выводу, что заявителю должны были предоставить возможность дать устные пояснения по поводу причиненных ему страданий, так как этот вопрос имел отношение к определению размера причитающейся ему компенсации).
42. Кроме того, Европейский Суд признаёт, что национальные власти могут принимать во внимание требования эффективности и экономичности судопроизводства. Так, например, Суд счел, что систематическое проведение устного разбирательства может препятствовать проявлению особого тщания, которое требуется при рассмотрении дел, касающихся вопросов социального обеспечения, и, в конечном счете, затруднять соблюдение требования о разбирательстве дела в разумный срок, содержащегося в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 1993 г. по делу «Шулер-Зграгген против Швейцарии» [*Schuler-Zraggen v. Switzerland*] серия «А», № 263, § 58 и те дела, на которые оно ссылается). Ранее в своих постановлениях по многим делам Суд подчеркивал, что при рассмотрении дела судом первой инстанции в случаях, когда обжаловать его решение в вышестоящий суд невозможно, устное разбирательство должно проводиться обязательно, если только нет каких-либо исключительных обстоятельств, оправдывающих отказ от его проведения (см., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Хаканссон и Стюрессон против Швеции», стр. 20, § 64; постановление Европейского Суда по правам человека от 23 февраля 1994 г. по делу «Фредин против Швеции (№ 2)» [*Fredin v. Sweden (№ 2)*], серия «А», № 283-А, стр. 10—11, § 21—22; а также пос-

тановление Европейского Суда по правам человека от 19 февраля 1998 г. по делу «Аллан Якобссон против Швеции (№ 2)» [*Allan Jacobsson v. Sweden (№ 2)*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-I, стр. 168, § 46). Впоследствии, однако, Суд уточнил, что характер обстоятельств, в силу которых устное разбирательство может не проводиться, в основном сводится к характеру вопросов, являющихся предметом рассмотрения в национальных судах, а не к частоте повторения подобных ситуаций. Это не означает, что отклонение требования о проведении по делу устного разбирательства может быть оправданно лишь в редких случаях (см. постановление Европейского Суда по правам человека от 8 февраля 2005 г. по делу «Миллер против Швеции» [*Miller v. Sweden*], жалоба № 55853/00, § 29). Здесь следует, как и во всех других вопросах, руководствоваться прежде всего принципом справедливости, воплощенным в статье 6 Конвенции, который имеет первостепенную важность (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Пелисье и Сасси против Франции» [*Pélissier and Sassi v. France*], жалоба № 25444/94, § 52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-II; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Сейдович против Италии» [*Sejdic v. Italy*], жалоба № 56581/00, § 90, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2006 — ...).

43. Действительно, на производство по упомянутым выше делам, в рамках которого проведение устного разбирательства не было признано необходимым, распространяется действие пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся гражданско-процессуальных аспектов; верно и то, что требования о проведении по делу справедливого разбирательства являются наиболее строгими в уголовно-процессуальном праве. В то же время Европейский Суд не исключает, что при рассмотрении некоторых уголовных дел характер вопросов, которые рассматривает национальный суд, может и не требовать проведения устного разбирательства. Конечно, производство по уголовным делам имеет определенную значимость, так как оно предполагает возможность привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания, имеющего карательный характер и являющегося средством устрашения. Вместе с тем очевидно, что производство по некоторым уголовным делам не сопровождается сколько-нибудь значительной степенью общественного порицания и что уголовные обвинения могут быть разной степени тяжести. Более того, конвенционные органы дали автономное толкование понятия «уголовное обвинение» с использованием критериев, установленных по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов». Тем самым они заложили основу для постепенного распространения действия пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, на дела, которые, строго говоря, не укладываются в традиционные категории уголовного права, например, на дела, касающиеся привлечения лица к административной ответственности (упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Эйтюрк против Германии»), нарушений правил отбывания наказания в местах лишения свободы (постановление Европейского Суда по правам человека от 28 июня 1984 г. по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» [*Campbell and Fell v. the United Kingdom*], серия

«А», № 80), нарушений таможенного законодательства (постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 1988 г. по делу «Салабияку против Франции» [*Salabiaku v. France*], серия «А», № 141-A), нарушений правил добросовестной конкуренции (постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 1992 г. по делу «Компания “Сосьете Стенуи” против Франции» [*Société Stenuit v. France*], серия «А», № 232-A), а также наказания, которое назначается судом, правомочным рассматривать финансовые вопросы (постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Гюиссе против Франции» [*Guisset v. France*], жалоба № 33933/96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IX). Штрафы за нарушения законодательства о налогах и сборах отличаются от санкций, характерных для уголовного права, поэтому гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, не обязательно будут применяться неукоснительно (см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Бенденун против Франции», § 46 и по делу «Яносевиц против Швеции», § 81, в которых Суд признал, что привлечение лица к уголовной ответственности административным или несудебным органом, рассматривающим его дело по первой инстанции, отвечает требованиям, которые предъявляет пункт 1 статьи 6 Конвенции; в качестве примера противоположной ситуации см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Финдлей против Соединенного Королевства»).

44. Необходимо также сказать, что существенная значимость разбирательства дела лично для заявителя, — как иногда бывает при рассмотрении вопросов социального страхования или выплаты пенсий, — не имеет решающего значения при определении необходимости проведения по этому делу устного разбирательства (см. решение Европейского Суда по правам человека от 16 мая 2006 г. по делу «Пиринен против Финляндии» [*Pirinen v. Finland*], жалоба № 32447/02).

45. Европейский Суд постановил, что пункт 1 статьи 6 Конвенции распространяется на дела о взыскании штрафов за нарушения законодательства о налогах и сборах, однако неприменим к делам об уплате самого налога (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Феррадзини против Италии»). Тем не менее разбирательство дела нередко сочетает в себе различные элементы; порой невозможно отделить аспекты, касающиеся уголовного обвинения, от аспектов, которые к нему не относятся. Соответственно, Суд должен принимать во внимание разбирательство дела, о котором идет речь, лишь постольку, поскольку оно касается предъявления заявителю уголовного обвинения, даже если это неизбежно в той или иной степени предполагает определение основной суммы подлежащего уплате налога, без учета дополнительно взыскиваемых штрафов (см. решение Европейского Суда по правам человека от 16 мая 2000 г. по делу «Джорджиу против Соединенного Королевства» [*Georgiou v. the United Kingdom*], жалоба № 40042/98 и решение Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2005 г. по делу «Акционерное общество “Стряг Дататянстер” против Швеции» [*Sträg Datatjänster AB v. Sweden*], жалоба № 50664/99).

46. В настоящем деле заявитель требовал проведения устного разбирательства для того, чтобы оспорить точность и достоверность отчета налоговой инспекции, проведя допрос представившего этот отчет налогового инспек-

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

тора и опираясь при этом на благоприятные для себя показания своего собственного эксперта. По мнению заявителя, налоговый инспектор неверно истолковал требования, предъявляемые соответствующим финским законодательством, и произвел неправильную оценку его финансового состояния. Следовательно, требование заявителя о проведении по его делу устного разбирательства во многом было вызвано его несогласием с обоснованностью определения размера подлежащего уплате налога. На эту оценку как таковую не распространяется действие положений статьи 6 Конвенции, хотя при этом возникает еще и вопрос о том, являлись ли погрешности в бухгалтерской отчетности заявителя настолько серьезными, что начисление штрафа было оправданно. Административный суд, принявший решение запросить письменные замечания по делу у налогового инспектора, а затем заключение у выбранного заявителем эксперта, пришел к выводу, что с учетом обстоятельств дела в проведении устного разбирательства явно не было никакой необходимости, так как сведений, представленных самим заявителем, оказалось достаточно для рассмотрения обстоятельств дела.

47. Европейский Суд не сомневается в том, что письменное производство по делу часто может оказаться более эффективным, чем устное разбирательство, для проверки и обеспечения того, что налогоплательщик представил точный отчет о своем имущественном положении, подкрепленный всеми необходимыми документами. Суд не считает убедительным довод заявителя, что в ходе разбирательства настоящего дела возникли сомнения в достоверности, которые требовали представления доказательств в устной форме или допроса свидетелей обвинения, и принимает довод государства-ответчика, что любые вопросы факта и вопросы права в настоящем деле могли быть удовлетворительно образом рассмотрены и разрешены на основании материалов, представленных в письменном виде.
48. Далее, Европейский Суд отмечает, что заявителю не было отказано в возможности потребовать рассмотреть его дело устно, даже с учетом того, что решение о необходимости проведения по этому делу устного разбирательства оставалось за финскими судами (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 12 апреля 2006 г. по делу «Мартини против Франции» [*Martinie v. France*], жалоба № 58675/00, § 44). Административный суд надлежащим образом мотивировал свой вывод о целесообразности письменного производства по делу заявителя. Суд также отмечает, что в настоящем деле речь шла о незначительной сумме денег. Поскольку заявителю была предоставлена полная возможность приводить свои доводы в письменном виде и давать комментарии по поводу сведений, поступавших от налоговых органов, Суд приходит к выводу, что требования справедливости судопроизводства были соблюдены и, в конкретных обстоятельствах настоящего дела, позволяли не проводить устного разбирательства.
49. Соответственно, по делу требования пункта 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. постановил, что статья 6 Конвенции применима в настоящем деле (принято тринадцатью голосами «за» и четырьмя голосами «против»);

2. постановил, что по настоящему делу требования статьи 6 Конвенции нарушены не были (принято четырнадцатью голосами «за» и тремя голосами «против»).

Совершено на английском языке и на французском языке и оглашено на публичных слушаниях дела во Дворце прав человека, г. Страсбург, 23 ноября 2006 г.

**Эрик Фриберг,
Секретарь-Канцлер
Европейского Суда**

**Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты**

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения¹:

(а) совместное частично особое мнение г-на Ж.-П. Коста, г-на И. Кабрал Баррето и г-жи А. Муларони, к которому присоединился г-н Л. Кафлиш;

(б) частично особое мнение г-на Л. Лукаидеса, к которому присоединились г-н Б. Зупанчич и г-н Д. Шпильманн.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Ж.-П. КОСТА, И. КАБРАЛ БАРРЕТО И А. МУЛАРОНИ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ Л. КАФЛИШ (в переводе²)

1. Как и большинство судей, мы полагаем, что в настоящем деле требования пункта 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были.
2. Однако мы пришли к этому выводу потому, что считаем эту статью Конвенции неприменимой в обстоятельствах дела.
3. Большинство судей ссылается (см. пункты 29—34 настоящего постановления) на относящуюся к настоящему делу практику Европейского Суда, которая до сих пор казалась нам довольно-таки ясной.
4. Действие пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся гражданско-процессуальных аспектов, не распространяется на определение размера подлежащих уплате налогов и возможное начисление штрафов за нарушение законодательства о налогах и сборах. На это ясно указала Большая Палата в своем постановлении по делу «Феррадзини против Италии» (жалоба № 44759/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VII). В пункте 29 этого постановления, как правильно отметило государство-ответчик, Европейский Суд счел, что «взимание налогов и сборов по-прежнему входит в число основных прерогатив органов государственной власти, а взаимоотношения налогоплательщика и общества остаются преимущественно публично-правовыми».
5. Настоящее дело поднимает вопрос о применимости пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов. Европейский Суд, как недавно подтвердила Большая Палата (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», жалобы № 39665/98 и № 40086/98, § 82, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-X), согласно постановлению по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов» (серия «А», № 22), принимает во внимание три критерия:

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [*concurring opinion*] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (*примечание редакции*).

² Имеется в виду, что мнение в оригинале было составлено не на английском языке; в данном случае оно было составлено на французском языке (*примечание редакции*).

(а) отнесение правонарушения, о котором идет речь в деле, к категории преступлений по национальному праву государства-ответчика;

(б) сам характер совершённого правонарушения;

(с) степень суровости наказания, которое может быть назначено лицу, совершившему это правонарушение.

6. Мы согласны с большинством судей в том, что эти критерии должны применяться и в настоящем деле, однако оно явно не соответствует первому и третьему из вышеперечисленных критериев. Большинство судей, основываясь, по существу, на характере совершённого правонарушения, пришло к следующим выводам:

(а) начисление штрафов за нарушения законодательства о налогах и сборах осуществлялось на основании норм права общего характера, которые применялись к налогоплательщикам в целом; а также что

(б) эти нормы имели карательный характер, являясь в то же время средством устрашения.

7. На наш взгляд, наличия этих двух элементов недостаточно для вывода о том, что в том или ином деле идет речь об уголовном обвинении по смыслу статьи 6 Конвенции.

8. Во-первых, почему бы не привлекать к административной ответственности в форме штрафа всех нарушающих закон налогоплательщиков, и какие правовые основания позволяют сделать вывод, что такие административные санкции имеют из-за этого уголовно-правовой характер?

9. Во-вторых, уголовно-правовые санкции, так же как и санкции, относящиеся исключительно к сфере административного права, могут иметь карательные цели и являться средством устрашения. Действительно, в прошлом Европейский Суд уже приходил к подобным выводам (см., в числе прочих источников, постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1984 г. по делу «Эзтюрк против Германии», серия «А», № 73, § 53 и постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Яносевиц против Швеции», жалоба № 34619/97, § 68, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VII). Однако в постановлении по делу «Бенденун против Франции» (серия «А», № 284, § 47), отсылка к которому содержится в пункте 31 постановления, Суд, напротив, произвел более точный и, на наш взгляд, более справедливый анализ, приняв во внимание в сфере налогообложения (специфичность которой подчеркивается в упомянутом выше постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Феррадзини против Италии») четвертый критерий, в дополнение к тем трем критериям, которые были установлены по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов», — «очень значительный размер» штрафа, который должен был уплатить заявитель. В этом же пункте постановления по делу «Бенденун против Франции» содержится следующий вывод: «Взвесив различные аспекты дела, Суд отмечает, что среди них преобладают аспекты с уголовно-процессуальным подтекстом. Сам по себе ни один из этих аспектов не имеет решающего значения, но все они, вместе взятые, делают обвинение, о котором идет речь, уголовным по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции <...>, которая, следовательно, является применимой». И наоборот, если, как в настоящем деле, четвертый критерий, рассчитанный на уголовно-правовые санкции, не удовлетворен, «уголовно-процессуальный подтекст» существенно ослабляется. На наш взгляд, в настоящем деле он ослабляется до такой степени, что статья 6 Конвенции становится неприменимой.

10. Обстоятельства настоящего дела показывают, что положение, в котором оказался заявитель, не имеет отношения к уголовному праву или к «уголовно-процессуальному подтексту». Во-первых, он просто допустил ошибки в бухгалтерской отчетности, и это привело к подаче в налоговые органы неправильных деклараций по НДС. Обязательно ли это образует состав уголовного правонарушения? Мы в этом далеко не уверены. Во-вторых, начисленный ему штраф составлял 10% от заново определенной суммы подлежащего уплате налога, то есть около 308 евро. Может ли это считаться «очень значительным» или просто «значительным» размером? Будь эта санкция выражена в процентном соотношении или в виде абсолютной величины, мы в этом сильно сомневаемся.

11. Действительно, существует некоторое противоречие между двумя направлениями в практике Европейского Суда, причем оба этих направления, воплощенные в постановлениях по делу «Бенденун против Франции» и по делу «Яносевиц против Швеции», относятся к налоговым спорам. Это оправдывает уступку юрисдикции в пользу Большой Палаты, с тем чтобы она устранила указанное противоречие по смыслу статьи 30 Конвенции. Тем не менее мы убеждены, что направление, представленное постановлением Суда по делу «Бенденун против Франции», более разумно и что настоящее дело не соответствует ни трем критериям, установленным по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов», ни дополнительному четвертому критерию, установленному по делу «Бенденун против Франции», так что пункт 1 статьи 6 Конвенции не применяется. Кроме того, следует признать неудачным решение чрезмерно расширить сферу применения пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, вместо того чтобы признать специфичность вопросов налогообложения, которая была официально подтверждена в постановлении Суда по делу «Феррадзини против Италии» и вытекает из других статей Конвенции (см. формулировку второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции).

12. Если пункт 1 статьи 6 не применим, то он не мог, очевидно, быть нарушен. Именно поэтому мы, как и большинство судей, голосовали за второй пункт резолютивной части постановления. Это освобождает нас от необходимости прогнозировать ход наших рассуждений в случае, если бы мы признали применимым пункт 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов. Кроме того, благодаря этому нам не надо решать, согласились бы мы тогда с большинством судей в том, что в проведении по делу публичного разбирательства не было необходимости. Это в высшей степени спорный, но, тем не менее, гипотетический вопрос.

ЧАСТИЧНО НЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л. ЛУКАИДЕСА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ СУДЬИ Б. ЗУПАНИЧ И Д. ШПИЛЬМАНН

Я согласен с мнением большинства судей, что объектом судебного разбирательства, о котором идет речь, являлось уголовное дело и, таким образом, на него распространялись гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенций в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов. Однако, в отличие от большинства судей, я не считаю, что суды могли проигнорировать требование о проведении устного разбирательства по настоящему делу или могут его игнорировать, рассматривая любое другое уголовное дело.

Впервые Европейский Суд пришел к выводу, что проведения устного разбирательства по уголовным делам может и не требоваться. До этого Суд полагал, что обяза-

тельство проводить устное разбирательство не является абсолютным в рамках производства по некоторым гражданским делам. Не вдаваясь в рассуждения об оправданности этого подхода применительно к гражданским делам с точки зрения формулировки статьи 6 Конвенции, я должен сразу подчеркнуть, что во многих отношениях существует огромная разница между производством по уголовным и по гражданским делам, которая отражается на необходимости проведения устного разбирательства. Во-первых, производство по уголовным делам имеет более серьезный характер, чем производство по гражданским делам, и предполагает возможность привлечения лица к уголовной ответственности с последующим общественным порицанием. Это порицание имеет место в любом случае, какие бы незначительные преступления не вменялись в вину подсудимому, хотя оно может быть большим или меньшим в зависимости от степени тяжести этих преступлений. Во-вторых, судебное разбирательство по уголовным делам предполагает противостояние государства, осуществляющего свои полномочия по применению уголовно-правовых норм, и одного или нескольких частных лиц. В-третьих, как ясно следует из самой формулировки подпунктов «с», «d» и «е» пункта 3 статьи 6, касающихся минимальных прав, которые гарантируются обвиняемому в совершении преступления («<...> защищать себя лично; <...> допрашивать <...> показывающих против него свидетелей; <...> иметь право на вызов и допрос свидетелей; <...> пользоваться <...> помощью переводчика, если он <...> не говорит на языке, используемом в суде»), проведение устного разбирательства абсолютно необходимо для того, чтобы обеспечить справедливое рассмотрение уголовного дела.

При составлении некоторых международных договоров предпринимались попытки оспорить необходимость проведения устного разбирательства при рассмотрении дела судом, но даже тогда, когда эти попытки оказывались успешными, как в случае с Американской конвенцией о правах человека, по уголовным делам проведение публичного разбирательства гарантировалось.

Из практики Европейского Суда следует: каждый раз, когда он приходил к выводу, что проведение устного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом второй инстанции не является необходимым, он ясно указывал на то, что оно обязательно должно было иметь место при рассмотрении этого дела судом первой инстанции (см. постановление Европейского Суда по правам человека от 8 декабря 1983 г. по делу «Аксен против Германии» [*Axen v. Germany*], серия «А», № 72, § 28; постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 1991 г. по делу «Хелмерс против Швеции» [*Helmerts v. Sweden*], серия «А», № 212-А, § 36; а также постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 1991 г. по делу «Ян Аке Андерссон против Швеции» [*Jan Åke Andersson v. Sweden*], серия «А», № 212-В, стр. 45, § 27).

В упомянутом выше деле «Ян Аке Андерссон против Швеции» (мнение Комиссии, стр. 55, § 48—49) Комиссия сформулировала следующие принципы:

«48. Право обвиняемого лично присутствовать при решении судом вопроса о его виновности в совершении преступлений, в которых он обвиняется, и представлять в суд всё, что он считает важным в связи с этим, является не просто дополнительной гарантией того, что для установления истины по его делу будут предприняты все усилия: это право также помогает обеспечить уверенность обвиняемого в том, что его дело было рассмотрено судом, независимость и беспристрастность которого он мог держать под контро-

лем. Таким образом, обвиняемый считает, что правосудие свершилось. Кроме того, общие объект и цель статьи 6 Конвенции требуют, чтобы лицо, обвиняемое в совершении преступления, имело право принять участие в слушаниях дела. Подпункты «с» и «d» пункта 3 этой статьи Конвенции гарантируют ему право защищать себя лично, а также допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы они были допрошены; эти права не могут осуществляться в отсутствие обвиняемого (см. также постановление Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 1985 г. по делу «Колодза против Италии» [*Colozza v. Italy*], серия «А», № 89, стр. 14, § 27).

49. Необходимость проведения справедливого и публичного разбирательства дела, предусмотренная пунктом 1 статьи 6 Конвенции, является одним из основополагающих принципов любого демократического общества. Публичный характер судопроизводства помогает сохранить уверенность в надлежащем отправлении правосудия за счет того, что делает его заметным для всех. Проведение заседания суда, в ходе которого решаются вопрос о виновности или невиновности подсудимого, в открытом режиме обеспечивает должное информирование общественности и дает ей возможность отслеживать ход разбирательства дела».

Европейский Суд, в свою очередь, заявил следующее: «Кроме того, объект и цель статьи 6 Конвенции, а также формулировка некоторых подпунктов пункта 3 статьи 6 Конвенции показывают, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, “имеет право принимать участие в слушаниях и право на разбирательство его дела судом” в его присутствии <...> Суд, как и Комиссия, приходит к выводу, что с целью обеспечения состязательности судопроизводства все доказательства следует, в принципе, представлять в присутствии обвиняемого в ходе публичного разбирательства дела» (постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 1988 г. по делу «Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании» [*Barberà, Messegué and Jabardo v. Spain*], серия «А», № 146, стр. 34, § 78).

Кроме того, Европейский Суд неоднократно указывал на то, что «публичный характер разбирательства дела судебными органами, предусмотренный пунктом 1 статьи 6 Конвенции, защищает стороны от негласного отправления правосудия, ускользающего от общественного контроля; он также является одним из средств поддержания доверия к вышестоящим и нижестоящим судам. Делая отправление правосудия заметным для всех, публичный характер разбирательства дела помогает достичь цель, поставленную пунктом 1 статьи 6 Конвенции, а именно обеспечить справедливость рассмотрения дела, гарантирование которой является одним из основополагающих принципов любого демократического общества, как оно понимается в Конвенции» (см., в числе прочих источников, упомянутое выше постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Аксен против Германии», § 25 и постановление Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 1984 г. по делу «Зуттер против Швейцарии» [*Sutter v. Switzerland*], серия «А», № 74).

В настоящем деле большинство судей согласилось с тем, что «<...> производство по уголовному делу, которое предполагает возможность привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания, преследующего карательные цели или являющееся средством устрашения, <...> имеет определенную значимость». Однако далее оно указало, что «некоторые уголовные дела не предполагают сколько-нибудь значительной степени общественного порицания виновного <...> и что «штрафы за нарушение законодательства о нало-

гах и сборах [подобные тому, о котором идет речь в настоящем деле] отличаются от санкций, характерных для уголовного права, поэтому гарантии, установленные статьей 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов, не обязательно будут применяться неукоснительно <...>».

Мне кажется, что в контексте справедливого разбирательства дела сложно, следуя примеру большинства судей, различать преступления, укладываемые в «традиционные категории уголовного права», и преступления, не укладываемые в эти категории. Где следует провести границу между ними? К какому из этих типов следует отнести преступления, казалось бы, небольшой тяжести, которые, однако, при повторном их совершении могут повлечь за собой серьезное наказание? Я полагаю, что гарантии справедливого разбирательства дела, установленные статьей 6 Конвенции, применяются к любым преступлениям. Их применение не зависит, да и не может зависеть от того, укладывается ли то или иное преступление в «традиционные категории уголовного права» или от того, влечет ли оно за собой «сколь-ко-нибудь значительную степень общественного порицания виновного». У обвиняемых, на защиту которых и направлена эта статья Конвенции, серьезность любого преступления не вызывает сомнений. В совершении какого преступления ни обвинялся бы человек, он не должен быть лишен возможности допрашивать пока-

зывающих против него свидетелей или иных гарантий, характерных для устного разбирательства дела. Кроме того, допустить существование различий между двумя упомянутыми выше типами преступлений значило бы создать предпосылки для различных злоупотреблений и произвола.

Я твердо уверен в том, что, о каких бы правонарушениях ни шла речь, разбирательство дела в суде, посредством которого всемогущее государство применяет нормы уголовного права к лицам, обвиняемым в совершении преступления, в большей степени, чем любое другое судебное разбирательство, должно строго соответствовать требованиям статьи 6 Конвенции, с тем чтобы защитить обвиняемого «от негласного отправления правосудия, ускользающего от общественного контроля». Как справедливо заметил профессор С. Трексель, «<...> принцип публичности судебного разбирательства по уголовным делам по своей важности стоит выше личных интересов»¹.

Следовательно, если уж Европейский Суд пришел к выводу, что объектом судебного разбирательства, о котором идет речь, является уголовное дело (а этот вывод вполне соответствует действительности), то проведение публичных слушаний в рамках данного разбирательства следовало признать необходимым. Невыполнение этого требования приводит, на мой взгляд, к нарушению требований статьи 6 Конвенции.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы

¹ См. книгу: *Stefan Trechsel. Human Rights in Criminal Proceedings*, p. 121.